

УЗНИЦА НАЦИЗМА ИЗ МАЛОЙ БЕРЕСТОВИЦЫ

...Родилась Нина Зиновьевна в 1932 году на Могилёвщине, в одном из красивейших мест Беларуси. Большую деревню Задорожье, расположившуюся рядом с городом Горки, делила пополам река, а вокруг были такие заливные луга и густые леса, что мама Нины, ленинградка Агриппина, навещая в юности свою замужнюю сестру, восхищалась таким привольем. Полюбив местного парня Зиновия Евтихеева, она решила остаться здесь жить. Молодые поженились, построили дом, и из года в год в нём становилось все более шумно и весело. Рождались сыновья, а последней на радость родителям появилась долгожданная доченька. И родители, и братья души в ней не чаяли – отец баловал Ниночку гораздо больше, чем мальчишек, а те в любых деревенских играх и затеях неизменно оберегали свою младшую сестричку. Девочке казалось, что таким счастливым ее детство будет всегда.

Все перечеркнул 1941 год, когда над городом и их деревней стали реветь вражеские самолеты, взрываться бомбы. От налётов вражеской авиации люди прятались в лесу. Нине тогда было около девяти лет, а три ее старших брата – Николай, Михаил и Василий уже служили в армии... В самом начале войны на фронт ушел и отец, Зиновий Тимофеевич.

Они остались в доме вчетвером: мама, Нина и её старшие братики Федя и Петя. А скоро у них не стало и дома.

- Все хаты и сараи того конца деревни, где мы жили, фашисты разобрали на бревна для окопов, – вспоминает моя собеседница. –

А сельчан

загнали в крытые машины и отвезли на железнодорожную станцию, оттуда поездом – в Германию. Наша семья оказалась в лагере рядом с городом Ханау.

Нина Зиновьевна хорошо помнит колючую проволоку, длинные бараки, много военнопленных разных национальностей – их фашисты гоняли на работу на военный завод.

– Мы с мамой жили в семейном бараке, занимали небольшой отсек с двухъярусными нарами, – рассказывает женщина. – Целых четыре года этот отсек и был нашим домом.

На тех нарах снилась по ночам девочке родная деревня, подружки, её комната с запахнутым в сад окном и то, как ветер колышет нарядные ситцевые занавески в цветочек, принося запах жасмина...

Н.З. Евтихеева.

...К старости картинки из горестной жизни на чужбине приходят к Нине Зиновьевне все чаще. Вот темное морозное утро. Мама и Петя собираются на военный завод, а Нина с Федькой снова до позднего вечера будут без них. И от этого оба горько плачут. Сердце мамы не выдерживает, она возвращается от порога и целует обоих, а у самой в глазах стоят слезы...

Ещё вспоминается, как постоянно хотелось есть. Нина мечтала: вот бы им сюда скатерть-самобранку! Или по щучьему велению перенестись за большой обеденный стол, где отец большими ломтями нарезал хлеб, а мать наливала в тарелки дымящийся борщ...

Бывали у них с Федей и праздники – иногда уставшая мама, придя с работы, загадочно улыбалась и доставала из-за пазухи сверточек. Дети ликовали: гостинчик! И мигом срывались с места. В бумагу подчас была завернута домашняя булочка, а иногда маленький кусочек сала или даже... сахар! На заводе вместе с мамой работали немки из города, которые хорошо знали, что в бараках у женщин остаются полуголодные дети и, случалось, приносили для них что-нибудь из дому.

А ещё Нина Зиновьевна помнит, как они с братом долго не могли подружиться с другими детьми:

– Мы не понимали, о чем говорят польские, французские, итальянские ребяташки. Но выручал язык жестов, да и ведь дети всего света играют в похожие игры.

По ночам девочку часто будил мамин плач. Агриппина Изотовна не знала, живы ли муж и сыновья. В такой же неизвестности жила не одна она. Женщины молились, просили Бога уберечь их мужчин. Только повзрослев, Нина поняла, какое же тяжелое испытание выпало на долю ее матери. Ведь никто тогда не знал, что их всех ждёт впереди.

Город Ханау в конце войны сильно бомбили, и было очень страшно. После освобождения семья Евтихеевых оказалась в американской зоне оккупации Германии. Путь домой, в Беларусь, был непростым и очень долгим.

– Мама все надеялась, что другой конец нашей деревни, где жил папин брат Игнат, все-таки уцелел, – вспоминает женщина.

В Задорожье они оказались лишь осенью. И здесь их ждала горечь утраты: Николай и Михаил погибли на фронте. Отец и Василий вернулись, но здоровье у обоих было сильно подорвано. Василий попал в фашистский плен, и освободили его уже из концлагеря.

– Папа после войны долго и не пожил, – вздыхает моя собеседница. – Было очень трудно. Сначала мы жили у дяди Игната, а потом начали строить свой дом.

Шли года. Нина долго не выбирала, на кого учиться после школы, ведь в Горках была своя сельскохозяйственная академия. Их выпуск экономистов был первым после войны. По распределению разъехались во все концы страны. Нина Евтихеева оказалась на Берестовитчине, в тогдашнем колхозе «1-е Мая» (теперь сельхозкооператив «Малоберестовицкий элитхоз»). Здесь

и отработала главным экономистом 35 лет, внося большой вклад в развитие хозяйства. А в том далеком 1960-м молодой специалист квартировала в деревне Войтеховщина. Там, в местном клубе на танцах, и приглядел симпатичную девушку водитель со Спудвил Виталий Нерод. И всего через месяц, в сентябре, они поженились.

...Время бежит незаметно. Вместе Нина Зиновьевна и Виталий Венедиктович уже 54 года. Живут в собственном просторном доме в Малой Берестовице. Их единственная дочь закончила ленинградский мединститут, живет с мужем, тоже врачом, в Брянске. Внуки подарили бабушке и дедушке уже двое правнуков.

Мария Драпеза,
2015 г.